

САМОЕ СИЛЬНОЕ ЧУВСТВО —
ЭТО НАДЕЖДА

В ОДНО МГНОВЕНИИ

СЬЮЗАН РЕДФЕРН

Trendbooks

Сьюзан Редферн
В одно мгновение

«Издательство CLEVER»

2020

УДК 82-311.3
ББК 84 (7Coe)

Редферн С.

В одно мгновение / С. Редферн — «Издательство CLEVER»,
2020 — (Trendbooks)

ISBN 978-5-00154-677-1

Жизнь шестнадцатилетней Финн Миллер оборвалась в одно мгновение. Девушка оказалась меж двух миров и теперь беспомощно наблюдает за своими близкими. Они выжили в той автокатастрофе, но оказались брошены в горах среди жестокой метели. Семья и друзья Финн делают невозможный выбор, принимают решения, о которых будут жалеть долгие годы. Отец девушки одержим мстостью и винит в трагедии всех, кроме самого себя. Ее лучшая подруга Мо отважно ищет правду, пытаясь понять, что на самом деле случилось в роковой день аварии. Мать Финн, спасшую семью от гибели, бесконечно преследует чувство вины. Финн наполняют жажда жизни и энергия, ее голос звучит чисто и ярко. Это голос надежды на второй шанс, наполненный огромной любовью и верой в то, что мир – хорошее место.

УДК 82-311.3
ББК 84 (7Coe)

ISBN 978-5-00154-677-1

© Редферн С., 2020
© Издательство CLEVER, 2020

Содержание

Пролог	6
1	8
2	15
3	17
4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сьюзан Редферн В одно мгновение

In an Instant
by Suzanne Redfearn

Text Copyright © 2020 by Suzanne Redfearn

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing,
www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

Изображение на обложке Carolyn Lagattuta, изображение использовано с разрешения
<https://www.stocksy.com/2883710/nestled-fog-and-pink-sky>

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2023

* * *

Посвящается Хэлли

Пролог

Миссис Камински знала. Знала заранее.

До того дня мы считали ее психичкой, параноидальной мамашей, да попросту ненормальной. За глаза мы называли ее *надзирательницей* и сочувствовали Мо, ведь ей приходилось мириться с тем, что ее мать всего боится, что у нее навязчивые идеи. Миссис Камински не просто берегла дочь – она ее от всего *ограждала*. Мо разрешалось пойти на день рождения, который устраивали у бассейна или на пляже, только если у воды дежурил спасатель, а на праздник приглашали еще и саму миссис Камински – тень женщины за сорок, что караулила дочь на песке или у бортика, не спуская глаз с буйствующих двенадцатилеток. О поездке в Диснейленд Мо даже мечтать не могла. При этом по виду миссис Камински – худенькой, тихой женщины ростом чуть выше полутора метров – никак нельзя было сказать, что она так сильно трясется над Мо.

Мы тайком шептались о том, что миссис Камински в детстве наверняка пережила что-то ужасное и потому так опекает свою дочь, но Мо сказала, что дело вовсе не в этом. Просто ее мама уверена в том, что никто не станет следить за чужими детьми так же, как за своими собственными. Мо вообще вела себя по отношению к матери очень благородно и на удивление терпеливо. Никто из нас не вынес бы, если бы наши матери вмешивались в нашу жизнь так, как миссис Камински – в жизнь Мо.

Когда мы учились в шестом классе, ее решимость наконец дрогнула, словно гранит заменили на чуть более податливую сталь. Все шестиклассники, за исключением Мо, собирались на школьный урок-экскурсию по естествознанию. Учительница позвонила миссис Камински, потом директору, потом моей маме. И мама сумела ее убедить. Мой отец должен был поехать вместе с группой и обещал лично присмотреть за Мо. Возможно, она тогда сдалась потому, что доверяла моим родителям, или потому, что та экскурсия была важной частью школьной программы. А может быть, она просто поняла, что не сможет всю жизнь держать дочь в поле зрения. В любом случае впервые в жизни двенадцатилетней Мо было позволено покинуть гнездо без мамы.

С тех пор миссис Камински регулярно доверяла нам свою дочь, и всякий раз мои родители считали своим священным долгом уверить ее: «Мы за ней приглядим», «С ней все будет в порядке», «Мо нам как родная». В последнее время я без конца вспоминаю все эти банальности, гадая, могли ли пустые, беспечные заверения спровоцировать случившееся или они все же не имели никакого смысла и произошедшее было неотвратимо.

После той памятной экскурсии меня тоже часто вверяли заботам миссис Камински. Правда, мои родители никогда не требовали гарантий того, что со мной ничего не случится. Мо – единственный ребенок в семье, так что меня брали за компанию в каждый их семейный отпуск. Я побывала в Африке и в Испании, в Таиланде и на Аляске. Мои родители охотно и без колебаний принимали все приглашения, не требуя взамен никаких громких обещаний – вроде тех, что давали мы, забирая Мо. Возможно, они считали, что эти обещания обоюдны. Или же в глубине души знали, что не получают подобных уверений и тогда им придется отказаться от приглашения. Я думаю, мои родители понимали, что миссис Камински тщательно проанализировала собственные страхи, заранее обдумала, как поведет себя, оказавшись в рухнувшем здании, у извергающегося вулкана, на тонущем корабле, и пришла к выводу, что в ситуации, когда ей придется сделать страшный выбор, она выберет собственного ребенка. А значит, даже несмотря на то, что мы с Мо были как родные, меня все равно спасли бы второй.

Я с самого детства помню, как мои сестры, подруги, да и я сама, закатывали глаза, едва услышав имя миссис Камински. Мы все считали ее ненормальной.

Теперь никто больше не думает, что она ненормальная.

Она знала. Заранее. И я никак не могу понять откуда. Может, она провидица? Может, у нее особый дар? Может, она что-то предчувствовала? Или же Мо говорила правду и это была рациональная, четко продуманная позиция, в основе которой лежала уверенность в том, что никто не станет следить за чужим ребенком так же, как за своим собственным, и, если придется делать выбор, чужого спасут вторым?

Вот о чем я думаю теперь. После всего.

1

«Еще раз спросят, какая лента лучше, розовая или золотая, и я сорвусь! ДА ВСЕМ ПО ФИГУ! Решите уже, а? Я ТУТ ПОМИРАЮ!!!»

Ответ от Мо приходит почти мгновенно: «Похоже, тебе там весело!»

Выдрать зуб и то было бы проще. Эта попытка длится уже целых пять месяцев. После объявления о помолвке моей сестры все мельчайшие подробности ее свадебной церемонии без конца, до тошноты препарируются, изучаются и обсуждаются, при том что до великого дня еще три месяца. *До тошноты*. Какое точное выражение и как нечасто мы его используем, а ведь сейчас лучше и не скажешь: от этих приготовлений меня вот-вот вырвет.

Сегодня пятница. Стоит чудесная, ясная погода. В такой день лучше всего торчать на пляже с друзьями, кататься на сёрфе или на скимборде. Но вместо этого я, вжавшись спиной в стену, сижу на полу примерочной в салоне для новобрачных и смотрю, как моя сестра демонстрирует собравшимся – то есть мне, поневоле записанной в ее свидетельницы, маме и тете Карен – свое свадебное платье. Другой нашей сестры, Хлои, здесь нет. Где-то через неделю после помолвки она ненароком обмолвилась, что институт брака – это устаревший патриархальный конструкт, служащий угнетению женщины, и незамедлительно лишилась должности свидетельницы, а я, напротив, пошла на повышение.

Интересно, где она сейчас? Скорее всего, они с Вэнсом гуляют по центру города, держась за руки, наслаждаются теплом и солнцем, то и дело останавливаются и целуются. Я едва сдерживаю стон зависти и восхищения: уже не в первый раз я думаю, что это наверняка была не просто обмолвка. Хлоя – мастер в подобных делах. Она всегда добивается своего, а я точно знаю, что ей ни при каких обстоятельствах не захотелось бы провести целых восемь месяцев бок о бок с мамой. Получается, она сделала все возможное, чтобы этого избежать.

Я хмыкаю, вдруг осознав, насколько тонко все было сработано: моя сестра обеспечила себе свободу, хотя сама ни от чего не отказывалась, и чужими руками переложила на мои плечи бремя стать сподвижницей Обри. Представляю, как Хлоя самодовольно ухмылялась, продумывая свою гениальную схему. А ведь она знает, как сильно я ненавижу подобные мероприятия: я хожу по магазинам, только если у меня напроць закончилось чистое нижнее белье; знает, что не в моем – в целом открытом и жизнерадостном – характере восемь месяцев подряд вести разговоры о шмотках с неестественно счастливой, всеодобряющей улыбкой на лице.

– Что думаешь, Финн? – спрашивает Обри, вынуждая меня поднять глаза от экрана телефона, где как раз показывают подборку забавных мемов с животными. Я отрываюсь от картинки, на которой кот, сидя верхом на хаски, кричит, указывая лапой на убегающую мышку: «Не упусти ее!»

Я моргаю, и натянутая улыбка сходит с моего лица, а в горле вдруг встает ком. Хотя я терпеть не могу все эти кружева, свадебные хлопоты и прочие девчачьи радости, в груди набухает целый ворох совершенно девочкиных чувств. Вот уже две недели Обри квохчет о своем платье, без конца трезвонит о том, какое оно идеальное. Обычно я пропускаю мимо ушей ее трепотню – атласное то, шелковое сё, какой-то рубчик тут, нитки жемчуга там, ювелирный вырез сям. И вот теперь она стоит или скорее возвышается надо мной на шпильках, в волнах желтовато-белого, мягкого, словно текучего атласа, сбегających вниз от ее до невозможности тонкой талии, в потоках крошечных жемчужинок, что вихрем раскатываются, разлетаются от того самого ювелирного выреза и напоминает мне сказочную принцессу, самую добрую и прекрасную волшебницу в мире. Я с изумлением отмечаю, как она хороша, а еще, кажется, чуточку ей завидую.

Стоящая за спиной у Обри мама хлопает в ладоши. Тетя Карен обнимает маму за плечи, и они склоняются друг к другу, любуясь моей сестрой, почти соприкасаясь одинаковыми пепельно-светлыми головами.

– Мило, – бросаю я, словно мне плевать, и снова утыкаюсь в телефон.

Черная собачонка косится на подтаявший яркожелтый фруктовый лед, рядом надпись: «Мозгозаморозка». Улыбнувшись, я продолжаю листать фотографии, пока мама с тетей Карен кудахчут и выются вокруг Обри, а она поворачивается и так и эдак, чтобы они получше рассмотрели платье.

Тетя Карен встает рядом со мной.

– Давай их сфотографируем! – восклицает она. – Обоих!

Я обмираю от ужаса, представив себе, как стараниями тети Карен мои фотографии разлетятся по соцсетям. И ведь она непременно подпишет под ними что-нибудь нелепое вроде «Обри и Финн Миллер, красавица невеста и будущая невеста-беглянка».

– Нет, – выручает меня мама. – Дождемся церемонии. Нельзя фотографировать невесту в подвенечном платье до свадьбы, это плохая примета.

Я с облегчением выдыхаю и отодвигаюсь от Обри, словно даже одно мое присутствие может ее испачкать. Она улыбается мне, одними губами произносит: «Спасибо!» – и снова поворачивается к наседкам; этап восхищения уже миновал, и теперь они суетятся, обсуждая, где и что еще нужно подогнать по фигуре.

Я чувствую, что у меня горят щеки, и велю себе успокоиться. Обри уже поблагодарила меня, наверное, миллион раз, хотя все дело выеденного яйца не стоило. Мой разговор с ее будущей свекровью продлился не больше пяти минут, к тому же миссис Кинселл все восприняла совершенно спокойно.

Я вообще не стала бы звонить, если бы Обри не была так расстроена. Я-то решила, что свадебное платье самой миссис Кинселл – «классический крой, вышивка старинным бисером, кружевной воротник в викторианском стиле, атласные пуговицы вдоль спины» – отличная идея: классно, что платье послужит представительнице уже четвертого поколения. Но Обри чуть не плакала, повторяя эти слова, и я решила, что, хотя мне явно не по плечу все прочие обязанности подружки невесты, по крайней мере с этим я справлюсь. Мо говорит, у меня особый дар к таким разговорам – моя прямота по какой-то неведомой причине никогда никого не обижает. Мне кажется, дело скорее в том, что обычно люди все слишком усложняют. Если просто сказать как есть, правых и неправых не будет. Вначале миссис Кинселл слегка удивилась, но тут же дала понять, что ничего не имеет против. Она даже призналась мне, что и сама в свое время хотела выйти замуж в собственном, пошитом лично для нее платье.

Наверное, она позвонила Обри сразу после того, как мы с ней все обсудили, потому что сестра перезвонила мне через полчаса и засыпала благодарностями. И вот теперь, спустя пять месяцев, она крутится перед зеркалами, любуясь собою, а я радуюсь, что тогда все-таки поговорила с миссис Кинселл.

Прямо у меня перед носом тетя Карен приподнимает рукой свои пышные груди четвертого размера и восклицает: «Жарче, детка!» – намекая Обри, что вырез можно было бы сделать побольше. Мама мотает головой, а Обри кивает, лопоча что-то в том духе, что Бену понравится, и в этот миг я их фотографирую: их смех заглушает тихий щелчок телефонной камеры.

Я смотрю на экранчик: все они весело хохочут, счастливые лица слегка смазаны, в зеркале отражается платье, лицо Обри озарено улыбкой, мама и тетя Карен сияют ей под стать. Я отправляю фотографию Мо, приписав: «Она просто красавица!» – и добавляю кучу сердечек и смайликов.

Фотография уползает вверх, появляется ответ от Мо: «Да ты у нас тайный романтик. Кстати, ты решилась?» Я несколько раз растягиваю и снова сжимаю губы, перечитывая ее вопрос, словно надеясь, что сверкающие пиксели пошлют мне какое-нибудь озарение – может,

ответ или храбрость, которой с тех пор, как я призналась Мо, что хочу пригласить на выпускной бал Чарли Маккоя, у меня так и не нашлось. Там будет белый танец: в прошлом году партнера у меня не было, я пришла с другими девчонками – слишком скромными, слишком гордыми или слишком страшными, – тоже оставшимися без партнеров. Мы нарядились в платья и кеды, повергли собравшихся в шок своими дикими, неистовыми плясками, а после танцев пожирала шоколадки, глумясь над остальными девицами, которые едва держались на высоченных шпильках и неловко улыбались своим парням, с тоской поглядывая на запретные калории, что были разложены перед ними словно на пыточном столе.

Я была уверена, что и в этом году повторю тот же трюк, но потом появился Чарли. Я словно сама себе его наколдowała. «Дорогой Боженька, пожалуйста, пришли мне высокого, красивого, зеленоглазого, немного неловкого парня-футболиста». И вот – та-дам! – как раз такой парень и оказался со мной в одном классе на первом же уроке в первый же день учебного года.

– Финн, очнись. – Обри бросает мне мою толстовку, и я понимаю, что она уже успела переодеться в уличную одежду, а значит, нам пора.

Я выхожу из примерочной следом за Обри. Мама с тетей Карен задерживаются у кассы перебраться парой слов с владельцем магазина, а мы идем прямо на улицу. Обри тут же вытаскивает телефон и звонит Бену. Она восторженно пищит и хихикает, описывая ему сначала платье, а потом наряд, который наденет на встречу с его родителями. В ближайшие выходные они с Беном летят в Огайо, чтобы Обри поближе познакомилась с будущими свекром и свекровью.

– Я люблю тебя. – Она вешает трубку. Сует в рот наманикюренный палец, вгрызается в заусенец.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

– Нервничаю.

Я вытаскиваю ее палец у нее изо рта, пока она не стгрызла кожу до крови.

– Даже не сомневайся, они тебя сразу возненавидят. Ибо ты просто невыносима. – Я бешено вращаю глазами, а она в ответ морщит нос.

– Зато у нас с Беном есть причина пропустить папин эксперимент по сплочению семьи.

– Хочешь сказать, вы с Беном совсем не огорчились оттого, что не проведете три дня в лесной хижине, без телевизора, радио и интернета, в тесной и упоительной компании всех членов нашей замечательной семьи?

– Поверить не могу, что папа надеется этой поездкой что-то исправить.

– Ты же знаешь папу, он оптимист.

– Он живет в выдуманном мире. Ничего уже не изменится.

Я пожимаю плечами и отворачиваюсь, надеясь, что она не права, но в глубине души понимая, что на самом деле все именно так. Дома уже давно бушует ураган. Родители вечно ссорятся, с нашим братом Озом все сложнее справляться, Хлоя то и дело бунтует, явно стараясь всякий раз вывести маму из себя, у меня сейчас тоже все наперекосяк. Кажется, в последнее время я провожу у Мо больше времени, чем в собственном доме. Наша семья сейчас похожа на действующий вулкан: всего пять минут вместе – и очередное извержение обеспечено. Боюсь, что ближайшие три дня мы проведем в тщетных попытках потушить Везувий.

– Хорошо, что с вами едет Мо, – говорит Обри. Сестра любит Мо почти так же сильно, как я.

– И Натали, – парирую я.

– Что? – изумленно восклицает Обри – теперь она мне явно сочувствует.

Мамина пассивно-агрессивная реакция на нелепый папин план выражается в том, что она пригласила в поездку тетю Карен, дядю Боба и их занудную дочку Натали. А значит, нам с Мо придется повсюду таскать ее за собой.

– А Хлоя берет Вэнса, – говорю я, словно венчая вишенкой всю эту безумную конструкцию.

Хлоя согласилась поехать с нами только потому, что Вэнс – ярый сноубордист, а денег у него нет. Бесплатная крыша над головой, еда и билеты на подъемник – от такого предложения он просто не смог отказаться, несмотря даже на то, что взамен ему придется все выходные терпеть наше семейство. Хлоя ни за какие коврижки не согласилась бы провести с мамой даже минуту, не говоря уже о трех днях, но тут одержала верх ее преданность Вэнсу, которую, кстати, никто из нас не разделяет. Ее парень лодырь, каких свет не видывал, а спеси в нем хоть отбавляй: он неплохо играет в теннис и поэтому уже мнит себя профессиональным теннисистом.

– Ух ты, кажется, поездка выйдет незабываемая, – говорит Обри.

Встреча с будущими родственниками только что заиграла для нее новыми, еще более привлекательными красками.

Мама с тетей Карен выходят из магазина. Мама открывает запертые двери своего нового «мерседеса» – белого внедорожника, который она купила месяц назад себе на день рождения.

– Может, Финн поведет? – с невинным видом бросает тетя Карен.

Правда, в ее словах ничего невинного нет. Папа говорит, что тетя Карен типичная провокаторша. Она любит подлить масла в огонь, словно какой-то лепрекон, шкодливый чертенок, у которого всегда наготове очередная бесовская проказа. Как раз поэтому с ней так весело – почти всегда, кроме ситуаций, когда в центре очередного ее замысла оказываюсь я сама. Она высоко поднимает тонкие выщипанные брови:

– Финн, ты ведь уже получила права?

Я вижу, как мама сжимается, как напрягается все ее тело при мысли о том, что ее прекрасной новой машиной будет управлять не она.

– Я бы хотела дожить до своей свадьбы, – вмешивается Обри.

– Я уверена, Финн прекрасно водит, – говорит тетя Карен и забирает у мамы из рук брелок с ключами.

– В другой раз, – возражает мама и тянет руку за брелоком.

– Что за глупости, – бросает тетя Карен и отдает мне ключи. – Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. – Она заговорщицки мне подмигивает.

В других обстоятельствах я была бы счастлива. Обожаю смотреть, как мама бесится. Вообще-то я смелая и спортивная, и я страшно этим горжусь. Да и мысль о том, что вот сейчас я прыгну за руль и помчусь по улицам, словно Даника Патрик, и маме с Обри будет до смерти страшно, а тетя Карен здорово повеселится, мне очень даже по нраву.

Если бы не одна крошечная проблемка.

– Залезай, – говорит тетя Карен, распахивая передо мной водительскую дверь.

Я слетаваю. Мой инструктор по вождению, лысый мужик с жутким запахом изо рта и стальными нервами, именует эту проблему «педальной дислексией». Мое, казалось бы, пустяковое, но в то же время глобальное затруднение состоит в том, что я путаю газ и тормоз: вроде бы их просто запомнить, но я на это совершенно не способна.

– Я никогда не водила такую большую машину, – говорю я. – Так что, может...

Тетя Карен перебивает меня:

– Глупости. Нет ничего проще. «Мерседесом» даже управлять не надо, он сам едет. Вперед! – говорит она, улыбаясь во весь рот и явно рассчитывая вволю позабавиться.

Обри уже уселась сзади, мама пристегивается на пассажирском сиденье рядом со мной. Мама ничего не знает о моей беде. Когда родители спросили, как проходят мои уроки вождения, я уклончиво ответила: «Нормально».

– Помню, как я ездила с тобой, – говорит мама, оборачиваясь к Обри. – Ты была такая трусиха. Решилась выехать из нашего квартала только через пару месяцев.

– Это называется благоразумие, – отвечает Обри и показывает маме язык. – Именно так и надо ездить. Никто из вас до сих пор не побил мой рекорд: ни единой аварии, ни единого штрафа. Тебе такое и не снилось.

Мама вечно получает штрафы за превышение скорости – не реже чем пару раз в год, и это при том, что от большинства штрафов ей удается отговориться.

– Конечно, лучше всех у нас водит Хлоя, – продолжает мама. – Она прирожденный водитель. Всего один урок, и она уже была готова ехать хоть на край света.

Во мне вскипает азарт. У меня две старшие сестры, которые все в жизни делают первыми, а я вечно чувствую себя так, словно должна их во всем переплюнуть.

Я смотрю на педали «мерседеса». Правая педаль узкая и вертикальная, левая широкая и горизонтальная. *Правая – газ. Левая – тормоз.* Проще простого. Одна – чтобы ехать. Другая – чтобы тормозить. Тут большого ума не надо. Нет, правда, у половины моих одноклассников уже есть права, хотя они полные идиоты.

– Финн? – Тетя Карен склоняет голову набок, не понимая, почему я мешкаю.

Я улыбаюсь ей и сажусь за руль. Она радостно аплодирует и захлопывает за мной дверцу.

– Сзади полно места, – замечает она, и я отодвигаю сиденье: ноги у меня гораздо длиннее маминих.

Я вожусь с зеркалами и рулем, регулирую их снова и снова, стараясь, чтобы они стояли идеально, а в голове у меня крутится одна и та же мысль: «Правая – газ. Левая – тормоз. Правая – чтобы ехать. Левая – чтобы тормозить. Ну правда, ну соберись же ты. Ты все прекрасно знаешь. Правая. Левая. Газ. Тормоз».

– Похоже, я прямо здесь встречу старость, – говорит Обри.

Я хмыкаю, оглянувшись на нее через плечо. Осторожно ставлю ногу на тормоз и нажимаю кнопку зажигания. Мотор сразу оживает. Я снова проверяю зеркала, убеждаюсь в том, что позади нас ни чего нет, а затем на всякий случай еще раз кручу головой во все стороны.

– Ты серьезно? – говорит Обри. – У меня вечером самолет. Кажется, я на него опоздаю. Мама смеется.

– Финн, все отлично, – подбадривает меня тетя Карен; кажется, в ее голосе слышна нотка вины.

Тетя Карен, конечно, интриганка, но сердце у нее доброе: она из тех, кто воркует с младенцами и возится с птенчиками, выпавшими из гнезда. Знай она, что мне будет настолько не по себе, ни за что не предложила бы мне сесть за руль.

Включив задний ход, я рывками выезжаю с парковочного места.

– Молодец, – говорит тетя Карен.

– И-и-и Миллеры с тетей Карен покидают парковку! – объявляет Обри.

Мама снова фыркает. Я выворачиваю на Береговое шоссе, и вот мы уже едем в сторону дома: один квартал, еще один, в машине тишина, я пытаюсь вести себя уверенно, но знаю, что они чувствуют мое напряжение.

Я вижу светофор: нам красный, так что я очень аккуратно – *левая, левая, левая* – переношу ногу с педали газа на педаль тормоза. Мы мягко останавливаемся, я выдыхаю носом и мысленно глажу себя по голове. Загорается зеленый, я переставляю ногу обратно на педаль газа, и мы катимся вперед.

Через несколько кварталов и две столь же непримечательные остановки у светофоров я перестаю судорожно сжимать руль и расслабляюсь. У меня все прекрасно получается. Просто нужно сосредоточиться. Продумай и сделай – прямо как в спорте. Все остальные тоже расслабились. Обри тянется вперед, включает радио, а мама оборачивается и замечает, что о чем-то забыла сказать флористу.

Тут-то все и происходит. Она говорит что-то про лилии, про то, что у них нет пыльцы, и в этот миг машина позади нас сигналист. Резкий гудок словно бьет меня прямо в сердце,

отдается в ногу, и она отскакивает в сторону, со всей силы вжимается в педаль тормоза, так что мама лишь в последнюю секунду успевает подставить ладонь и не влететь со всего маху лицом в приборную доску.

Мама резко отворачивается от меня, а я безудержно краснею. Я не осмеливаюсь взглянуть на нее. Я лишь чувствую, как по моему типично ирландскому, усыпанному веснушками лицу разливается чувство вины, и понимаю, что она знает. Каким-то образом она всегда знает.

Обри и тетя Карен ничего не замечают. Сигналивший водитель с шумом проносится мимо, Обри показывает ему вслед средний палец, а тетя Карен говорит:

– Урод какой! Ну куда он так спешит? Финн, ты отлично справляешься. Просто замечательно.

Мы снова трогаемся с места, и я дрожу всем телом, сосредоточившись только на одном – как доставить нас домой без новых происшествий и провалов. Я напряженно смотрю на дорогу и стараюсь не думать о сидящей рядом маме, о том, какие мысли сейчас роятся у нее в голове.

Не прошло и недели с тех пор, как я дала маме серьезное обещание. Она так легко простила меня, при том что в результате последней своей выходки я оказалась в полицейском участке. Невинная шалость едва не обернулась катастрофой – булыжник, который я метнула, сидя на качелях, полетел гораздо дальше, чем я рассчитывала, едва не прикончил одного из моих приятелей и расшиб табличку с названием парка. Мама блестяще сыграла роль моего адвоката, сумела сгладить ситуацию и вытащила меня из этой переделки: она перекинулась парой шуток с арестовавшим меня полицейским, и он тут же переквалифицировал мое преступление в попытку любознательного подростка применить на практике законы физики. Когда мы вернулись домой, она сказала только одно: «Видишь ли, Финн, только искренние извинения чего-то действительно стоят». Ее слова попали прямо в точку. В последнее время я слишком часто извиняюсь.

Я поклялась маме, что прошу у нее прощения от всего сердца и что с этого момента буду отмерять семь раз, прежде чем резать. И она улыбнулась, явно проведя параллель с тем, что я не сумела верно отмерить расстояние от качелей. Однако теперь она не улыбается. Сидит неподвижно как истукан, смотрит вперед, на дорогу, а я чувствую себя так мерзко, что хоть плачь. Пять дней. Прошло всего пять дней, а я уже снова подвела ее, нарушила свое обещание.

При виде последнего, ближайшего к нашему дому светофора я едва сдерживаю радостный вопль. Еще квартал, направо, налево, и мы на месте. Загорается желтый, светофор явно не хочет нас пропускать, и я жму на тормоз так, как учил меня инструктор, – чтобы машина замедляла ход не рывком, а плавно.

Мы почти остановились, колеса едва крутятся, я внимательно изучаю бампер стоящей перед нами машины, и тут у меня жужжит телефон: новое сообщение. Резкая вибрация в заднем кармане сбегает вниз по ноге, ударяет в ступню, и машина неожиданно дергается вперед.

– Тормози! – вопит мама, а к ее голосу примешивается жуткий скрежет металла: мы врезаемся в машину перед нами. – Тормози! – снова говорит она, и я отчаянно пытаюсь затормозить, но по какой-то неведомой причине мы все еще преь вперед и вдавливаем маленькую машинку в стоящий перед ней грузовик.

– Не та педаль, – говорит мама, и я отдергиваю ногу.

Мама выскакивает из машины, прежде чем я успеваю поднять ручной тормоз.

– Блин, – говорит Обри у меня за спиной.

– Упс, – говорит тетя Карен.

Я сползаю с водительского сиденья. Все тело горит. Мама уже говорит с водителем машины, в которую мы врезались, наклонившись прямо в открытое окно. В машине всего один человек – женщина в красном свитере, с темными волосами до плеч. На зеркале заднего вида висит собранный из бусинок крест. Женщина кивает в ответ на мамины слова, отворачивается, и я вижу, как дергаются ее плечи: кажется, она плачет, хотя наверняка сказать нельзя.

Я делаю шаг в их сторону, шаг назад, мышцы сжимаются и расслабляются: я не понимаю, как мне быть. К ним подходит немолодой мужчина в клетчатой рубашке и широких штанах – водитель грузовика, с виду типичный работяга или мелкий предприниматель. Он спрашивает, не ранен ли кто, оглядывается на меня и, убедившись, что никто не пострадал, отмахивается от маминого предложения записать номер ее страховки, забирается обратно в кабину и уезжает.

Я разглядываю его удаляющийся бампер. Он весь погнут и испарпан, но прочно стоит на месте, так что понять, когда на нем появились все эти вмятины и царапины – пару минут или пару лет назад, – совершенно невозможно.

Маленькой машинке повезло куда меньше. Это старая «хонда», и выглядит она так, словно ее сложили пополам. Капот и багажник выгнулись вверх, друг к другу, крыша просела. Женщина достает свой телефон, мама делает то же самое. Я стою и смотрю.

– Финн, дорогая, вернись в машину, – говорит тетя Карен в открытое окно.

Я тянусь к дверце.

– Наверное, будет лучше, если до дома нас довезет твоя мама.

Я обхожу машину и падаю на пассажирское сиденье. Через двадцать минут приезжает эвакуатор. Мама стоит рядом с той женщиной, пока «хонду» грузят на платформу. Женщина уже успокоилась, и я бесконечно благодарна маме. Она просто мастер своего дела. Вот почему она прекрасный адвокат: что бы ни случилось, она сохраняет спокойствие, умеет очаровать любого, убедить всех на свете в том, что она – их друг. Прежде чем взобраться в кабину эвакуатора, женщина благодарит маму, словно ее даже радует, что мы вдребезги разбили ее машину.

В следующий миг мама садится за руль и довозит нас оставшиеся два квартала до дома.

2

Мы паркуемся перед домом, и я сползаю с пассажирского сиденья, стараясь казаться как можно более незаметной. Мама, не говоря ни слова, стремительно шагает к дому. Кажется, она даже не заметила папу с Озом, которые моют на подъездной дорожке Миллер-мобиль. Папа купил этот фургон, когда ему было девятнадцать, и с тех пор Миллер-мобиль был ему верным спутником во всевозможных поездках, от гонки за торнадо на Среднем Западе до бесчисленных выездов в горы, на рыбалку, на серфинг.

Наш золотистый ретривер Бинго мчится к маме, машет хвостом, но она, словно не замечая его, захлопывает за собой входную дверь в дом, и он возвращается к нам. Одного этого уже достаточно, чтобы понять, как сильно мама расстроена. Бинго единственный, за исключением Обри, член нашей семьи, с кем мама все еще ладит: я часто вижу, как она сидит на лужайке с бокалом вина, перебирая пальцами его шерсть.

Тетя Карен сжимает мне плечо, целует в висок:

– Держись, детка, аварии – часть нашей жизни.

Я вымученно киваю ей в ответ, и она отправляется к себе: она живет в двух домах от нас. Обри переводит взгляд с меня на помятый перед «мерседеса», качает головой, словно лишний раз напоминая мне, какая я идиотка, и поворачивается к папе, собираясь потешить его рассказом о моем очередном провале.

Может, аварии и часть чьей-то жизни, но уж точно не маминой. Насколько мне известно, мама никогда не попадала в аварию, и все же теперь моими стараниями ее чудная машина, о которой она мечтала много лет и которую наконец купила, выглядит как выдавшая виды колымага.

В паре метров от Обри с папой Оз поливает из шланга фургон так, что водой залито все вокруг. Оз вымок с головы до пят, и, хотя мне сейчас не до веселья, я улыбаюсь, как и всегда, когда вижу, как брат радуется самым простым вещам. Его ничуть не заботят одолевающие всех остальных людей в этом мире мысли о том, что им нужно чего-то добиться, на кого-то произвести впечатление. Ему тринадцать, но его умственные способности соответствуют скорее ребенку лет шести. В эмоциональном плане он развит еще меньше – прямолинеен, как детсадовец.

Папа хохочет, услышав от Обри, что у меня талант к изготовлению музыкальных инструментов, поскольку расплюснутая мною «хонда-аккорд» стала похожа на аккордеон. Руки Обри летают в воздухе то вместе, то порознь, как у дирижера; она старательно изображает скрежет сминаемого металла. Папа в отличие от мамы не переживает по поводу внешнего вида своей машины и считает, что мелкие вмятины и царапины – дело житейское. Его фургон – убедительное тому подтверждение: он старше, чем я, и весь покрыт шрамами и рубцами.

Оз говорит:

– Папа, иди мыть фургон.

Папа его не слышит. Он наслаждается рассказом Обри, расплываясь во все более широкой улыбке, а Обри скрежещет, не переставая растягивать руками невидимый аккордеон:

– Хр-р-р-р... И тут мама вопит: «Тормози!» – а Финн снова жмет на газ: хр-р-р-р...

Мне хочется уйти, но я не знаю, куда податься. В дом, к маме, точно нельзя. К Мо тоже нельзя – она поехала за лыжной экипировкой, готовится к нашей поездке. Так что я просто стою, сгорая от стыда и гнева, и мечтаю лишь о том, чтобы Обри поскорее все дорассказала и уехала.

Оз со мной солидарен. Он хочет, чтобы папа и дальше мыл фургон вместе с ним. Он все сильнее хмурит брови и уже залил водой из шланга весь газон. Я вижу, что его терпению вот-вот придет конец: он крепко вцепился в шланг, лицо потемнело. Я могла бы ему помешать.

– Хр-р-р-р, – снова скрежещет Обри.

Но я этого не делаю.

– Тут мама вопит: «Не та педаль!..»

Вода бьет Обри по волосам, мигом сбегает по шелковой блузке без рукавов к модельным джинсам, заливает новые кожаные сапоги. Папа тут же бросается вперед, отгораживает ее от потока воды, но уже слишком поздно: сестра вымокла до нитки, тщательно выпрямленные и уложенные волосы облепили лицо, блузка пристала к телу. Она фыркает, как собака, стряхивает с рук воду и, не говоря ни слова, вихрем уносится к своей машине, стоящей у тротуара.

– Оз, прекрати, – командует папа. Он выставляет перед собой руки, словно пытаясь остановить поток воды из шланга, выворачивает голову вслед машине Обри. – Господи! – рычит он. – Господи ты, блин, боже мой! Я что, не могу пять минут поговорить с дочерью? – Сквозь стену воды он смотрит на закрытую дверь дома, за которой пару минут назад скрылась мама. – Оз! Хватит! – рывкает он, и я вмиг перестаю улыбаться, а кровь стынет у меня в жилах.

В ответ на папину резкость Оз хмурится еще сильнее, и его лицо темнеет до опасного оттенка, при виде которого мне становится так страшно, что по шее бегут мурашки. За последний год мой брат почти сравнялся с папой по росту – он всего чуть-чуть недотягивает до метра восьмидесяти, а весит уже килограммов на пятнадцать больше. У папы спортивное телосложение, а Оз скорее толстый, но при этом очень сильный. Если прибавить к этому полное отсутствие самоконтроля и темперамент как у самца гориллы, получится горячая смесь, которую может поджечь любая, даже крошечная искра.

Папа тоже заметил перемену в настроении Оза. Он стирает с лица гнев и добавляет в тон непринужденности:

– Ладно, приятель, давай отмоем этого малыша.

Лицо у Оза светлеет, и мы с папой выдыхаем.

Оз так и поливает папу, направив шланг ему прямо в грудь. Папа весь вымок, но не отходит в сторону, как будто ему нипочем этот неожиданный ледяной душ. С Озом по-другому нельзя.

– Водяной бой, – ухмыляясь, говорит мой брат.

– Нет. Водяного боя не будет, – устало отвечает папа.

Я пробираюсь вперед, поближе к фургону, осторожно обходя Оза.

– Водяной бой, – настаивает Оз.

– Нет, с меня хватит, – говорит папа, и я ясно вижу, что он имеет в виду не только нынешние игры с водой.

Возле фургона стоит ведро. Я беру из него губку и принимаюсь, посвистывая, тереть нарисованный над колесом пачифик. Я стараюсь давить сильнее, чтобы получилась шапка из пены. Мой свист отвлекает Оза, и он наконец отводит от папы шланг с водой. Взбив побольше пены, я набираю ее на губку и принимаюсь выдувать в воздух пузыри. Бинго срывается с места и принимается гоняться по газону, неистово машет хвостом, прыгает на пузыри и пытается их куснуть. Мы с ним играем в эту игру с тех пор, как он был еще щенком.

Оз выпускает шланг и бежит на газон. Он выхватывает у меня губку, выжимает новые пузыри и сдувает их в воздух так же, как только что делала я.

– Спасибо, – одними губами говорит папа.

Я дергаю плечом и отворачиваюсь, собираясь уйти.

– Эй, Финн! – говорит папа мне вслед. – Когда вернемся из поездки в горы, я научу тебя водить. У тебя все получится.

Я вяло улыбаюсь. Спасибо, папа, но ведь этого никогда не случится. Оз не отпустит тебя ни на какие уроки вождения. Может, меня научит Обри. Или Хлоя.

3

Погода вполне соответствует настроению половины из нас. Солнце прячется за плотными облаками. Вторая половина – это тетя Карен, дядя Боб, Оз, Мо и папа, для которых стакан всегда наполовину полон. Даже Бинго уже не уверен, что нам десятерым стоит куда-то ехать вместе. Он вяло виляет хвостом, бродя между нами словно в поисках ответа на вопрос, что ему делать – радоваться или бояться.

Накануне вечером родители ругались как собаки – рычали и лаяли друг на друга по всем мыслимым поводам, начиная с того, что папа купил в дорогу не то печенье, и заканчивая стандартным скандалом из-за того, что мама проводит с Озом слишком мало времени. Хлоя не обращала на происходящее никакого внимания и спокойно листала журнал, надев наушники. Порой она отрывалась от чтения и делала смешные гримасы, пытаясь отвлечь и меня. Хлоя лучше всех в мире понимает, как хреново тому, кто умудрился оказаться не на маминой стороне.

В какой-то момент она даже кинула мне остаток своего «Тоблерона»: неделю назад его подарил ей Вэнс, вернувшийся с теннисного турнира в штате Вашингтон. Но это не помогло. Я не могла отвлечься, не могла забыть, что все началось с меня и моей дислексичной ноги. Равновесие и без того было хрупким, но нарушила его именно я. Мама умчалась по лестнице наверх, крикнув напоследок: «Я дотерплю до свадьбы, Джек, но только ради Обри. А потом все.

С меня хватит!» Тема развода возникала и раньше, но вчера я впервые поверила, что они действительно разведутся.

Мама стоит посреди лужайки рядом с тетей Карен и, скрестив руки на груди, наблюдает, как папа и дядя Боб грузят в Миллер-мобиль наши лыжи. После аварии она не сказала мне ни единого слова. Она на меня вообще не смотрит.

Мне так плохо, что даже больно дышать. Я никак не могу понять, как это могло случиться. Я ведь не тупая. У меня нормальные оценки. Но когда речь заходит о здравом смысле, у меня в голове словно что-то замыкается. Я понимала – по крайней мере, должна была понимать, – что мне нельзя садиться за руль маминого «мерседеса», и все же села и поехала. Я в очередной раз оглядываюсь на разбитый перед машины: бампер треснул, краска содрана, фара разбита.

Я мотаю головой и с тяжелым вздохом отворачиваюсь, продолжая наблюдать за сборами. Оз помогает по мере своих сил. Папа заносит в фургон наши вещи, а Оз кладет их куда вздувается – на сиденья, в проход, прямо на руль. Перед выездом его отвлекут, и мы все разложим по местам.

Мо рядом со мной чуть не прыгает от радости. Она никогда не каталась на лыжах. У ее отца другие представления об отпуске: обычно он арендует яхту с командой матросов и плывет с семьей от одного греческого порта к другому, или осматривает древние руины в Бангладеш, наняв в качестве экскурсовода местного профессора, или дегустирует вина в бордоских погребах.

Я улыбаюсь, видя, как она счастлива. На ней красивая новехонькая одежда, идеально подходящая для поездки в горы: черные легинсы, сапоги на меху, нежно-голубой кашемировый свитер и шарф-хомут, который выглядит так, словно его связали вручную где-нибудь в Марокко. Собственно, это вполне может быть правдой: отец Мо постоянно ездит по свету и отовсюду привозит ей необычные подарки. На улице плюс пятнадцать – прохладно для округа Ориндж, но жарковато для ее наряда, так что на лбу и над верхней губой у Мо уже светятся капельки пота.

Мама Мо ждет вместе с нами, разглядывает всех собравшихся. Интересно, что она думает о нашей странноватой компании? Хлоя и Вэнс (мы с Мо называем их «Хлэнс», поскольку они

все время касаются друг друга, образуя единое существо, в котором уже невозможно различить двух разных людей) жмутся друг к другу на крыльце, целуются и шепчутся, явно обсуждая, когда уже можно будет слинять и накуриться. Мои родители ни о чем не подозревают. Точно так же они не подозревают о том, что моя сестра занимается сексом и что регулярно, я бы даже сказала частенько, пьет.

Я вижу, как Хлоя что-то шепчет на ухо Вэнсу. Он улыбается ей в ответ и нежно целует, и в этот момент его черные волосы касаются ее таких же черных волос. Им обоим с месяц назад исполнилось по восемнадцать: дни рождения у них с разницей в неделю, и в честь праздника они решили сделать одинаковые прически. Хлоя отстригла свои длинные медные локоны, а Вэнс сбрил свои золотистые волосы машинкой, оставив всего пару сантиметров. Все, что осталось, они выкрасили в иссиня-черный цвет. Казалось бы, ужасная идея, но они выглядят отлично. Он высокий, она миниатюрная, у обоих идеальная кожа и ровные белые зубы.

Я оборачиваюсь, услышав, как мама смеется над чем-то, сказанным тетей Карен. На самом деле тетя Карен нам вовсе не родня, но она стала для меня «тетей», еще когда мы с Натали были маленькими. Это мамина давняя и ближайшая подруга. Они так близки, что даже стали походить друг на друга. Мама чуточку выше и весит килограммов на десять меньше, а у тети Карен более пухлые губы и тонкий нос, но в целом они выглядят как сестры, причем моя мама старшая, хотя на самом деле они ровесницы.

Тетя Карен говорит еще что-то забавное, и дядя Боб бросает ей от машины:

– Эй, что у вас там происходит? Хватит шептаться!

Тетя Карен показывает ему язык. В ответ на это дядя Боб выхватывает из пакета с продуктами, который как раз держит в руках, упаковку зефирок и швыряет прямо в нее. Тетя Карен уворачивается, а мама прыгает за пухлым снарядом и легко ловит его на лету.

Иногда я забываю, что мама раньше была спортсменкой. И немудрено: она выглядит как любая другая мама. Она сейчас явно не в лучшей форме – не то что раньше, когда бегала кроссы за сборную Университета Южной Калифорнии, – но реакция у нее до сих пор молниеносная.

Дядя Боб подмигивает маме, и она заливается краской, а тетя Карен делает вид, что ничего не заметила. Мне всегда казалось, что тете Карен, наверное, нелегко от мысли о том, что мама с дядей Бобом отлично ладят. Ничего такого, просто они держатся друг с другом по-особенному, вечно друг друга подзуживают, провоцируют, а тетя Карен на такое не способна. Мама изо всех сил старается держать ситуацию под контролем. Вот и теперь ей явно хочется бросить зефирки дяде Бобу, но она этого не делает. Она просто идет к машине и кладет упаковку обратно в пакет.

– А ты так не сможешь, – поддразнивает он.

– Помнится, ты все еще должен мне семнадцать «Сникерсов», с тех пор как мы в последний раз играли в «молнию»¹, – парирует мама, и в ее глазах мелькает азартная искорка. Она возвращается к тете Карен, а дядя Боб лишь молча ухмыляется ей вслед.

К нам с Мо и миссис Камински подходит Натали.

– Мама говорит, что тебе придется самой оплатить ремонт «мерседеса», – говорит она, сочувственно улыбаясь, хотя в ее голосе явно слышится злорадство.

Мы с Натали выросли вместе, но практически всю жизнь друг друга ненавидим. Первые пять лет мы дрались. Потом еще лет пять обходили друг друга стороной. А последние шесть лет мы едва выносим друг друга.

– Что, правда? – искренне изумляется Мо.

¹ Вариант игры в баскетбол для трех и более игроков и двух мячей. Игроки выстраиваются в линию, первый игрок бросает мяч в корзину; в момент, когда он выпускает мяч из рук, второй игрок также бросает свой мяч в корзину. Если первый игрок попадает в корзину, он передает мяч третьему игроку; если нет, продолжает бросать, пока не попадет. Если первым в корзину попадает второй игрок, то первый игрок выбывает. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Я сглатываю. Мама мне так ничего и не сказала, но, если тетя Карен говорит такое Натали, значит, это правда. Я даже представить себе не могу, во сколько обойдется ремонт, но думаю, что стоит он будет гораздо больше, чем я сумела накопить себе на машину. Все мои внутренности сжимаются от мысли о том, что мне придется отдать все заработанное за те долгие часы, пока я нянчилась с соседскими детьми и выгуливала чужих собак. Одно сообщение, и все мои сбережения рассыплются в прах.

– М-да, сурово она с тобой, – говорит Натали. – А знаете, что мне подарят родители, как только я получу права?

Мы с Мо молчим.

– «Мини-купер». Не могу решить, какой цвет лучше – желтый или красный. Я часто вижу в центре такой симпатичный красный «купер» с белой крышей, на нем еще британский флаг нарисован.

– Ты ведь не из Англии, – говорит Мо.

– И? – отвечает Натали, явно задетая тем, что мы не выражаем никакого восторга по поводу ее будущей машины.

Мне бы хотелось сказать, что Натали некрасивая, но это не так. Она хорошенькая – золотистые волосы, серые глаза, большие сиськи. Но стоит ей открыть рот, как она сразу становится уродиной. Мы снова молчим. Мама кричит Хлое:

– Хлоя, принеси еще комплект белья!

Хлоя не реагирует и продолжает тискаться с Вэнсом. Хотя она явно слышала маму: она слегка поворачивается, так что теперь всем нам отлично видна маленькая черная ласточка у нее на левом плече – татуировка, из-за которой мама закатила ей жуткий скандал.

– Я принесу, – вызывается Оз, бросает сумку с лыжной амуницией и мчится к дому, отчаянно – как, впрочем, и всегда – пытаюсь заслужить мамину похвалу.

Я мотаю головой. Зная Оза, можно смело предположить, что в результате кому-то из нас достанутся простыни с Губкой Бобом. Или что Оз прихватит пятьдесят простыней, но не возьмет ни единой наволочки.

– Не надо, Оз, – останавливает его мама, сверля глазами Хлою. В ее голосе слышны нотки ярости. – Забудь про белье, лучше папе помоги.

Мама со вздохом отворачивается и идет к нам. Тетя Карен не отстает. Мама натягивает улыбку, предназначенную для миссис Камински, и старательно игнорирует меня:

– Доброе утро, Джойс.

– Доброе утро, Энн, Карен. Спасибо, что позвали Морин. Она уже несколько недель только и говорит, что об этой поездке.

– Вы же знаете, мы любим проводить с ней время.

Повисает неловкая пауза. Миссис Камински скользит взглядом по Миллер-мобилю и принимается рассматривать землю у себя под ногами. Миллер-мобиль похож на консервную банку на колесах. Первоначально это был настоящий походный дом с кухонькой и кроватью, но художник, у которого отец купил фургон, выбросил всю мебель, чтобы высвободить место для студии, и оставил только встроенный обеденный уголок – стол и скамейки по обе стороны от него. Когда родились все мы, папа поставил дополнительные сиденья – пару автобусных кресел из «Грейхаунда» и красный кожаный диван, который он снял с отправленного в утиль «бентли». В результате получилось весьма примечательное, чудное сочетание полосатого синего плюша, роскошной красной кожи и блестящего зеленого винила.

Миссис Камински ничего не может с собой поделать.

– Там есть ремни безопасности? – спрашивает она.

Мо вся сжимается. За последний год ее недовольство материнской гиперопекой явно выросло. Я знаю, что в последнее время они не раз из-за этого ссорились.

Мама кивает:

– Хотите заглянуть внутрь?

Миссис Камински смотрит на Мо и мотает головой:

– Нет, все в порядке. Я вам доверяю.

В последних трех словах таится вызов. Мама его принимает:

– Я за ней присмотрю.

К разговору подключается тетя Карен:

– Мы все присмотрим. Мо нам как дочь. Она в хороших руках.

Неуверенно улыбаясь и бормоча слова благодарности, миссис Камински чмокает Мо в щеку, желает ей хорошенько повеселиться и быстро уходит. Дальше она будет волноваться без свидетелей.

Мо с облегчением выдыхает, и я легонько толкаю ее в плечо:

– Не так уж и плохо. Еще недавно она бы вообще не разрешила тебе ехать. Ты обещала звонить каждый час?

– Нет, я сказала, что вообще не буду звонить, – отвечает Мо. – Так лучше. Когда я звоню, она словно с ума сходит, расспрашивает меня обо всем в мельчайших подробностях, начинает переживать из-за того, что я рассказываю, и придумывать, что может пойти не так. Чем меньше она знает, тем меньше будет переживать. Нас не будет всего три дня. Она вполне может прожить три дня, ничего обо мне не зная. И потом, пора привыкать. Через два года я уеду в университет и уж точно не буду звонить ей каждый день.

Я ей верю. Мо страшно хочется расправить крылья, взмыть ввысь, умчаться как можно дальше от родного гнезда. Я подумываю поступить в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе или в Сан-Диего, чтобы по выходным приезжать домой, а вот Мо мечтает поселиться на другом конце страны или даже на другом краю земли. Она хочет путешествовать по Патагонии, пересечь Сахару, взобраться на Эверест. Когда мы были маленькими, она разинув рот слушала рассказы моего отца о его юношеских приключениях. Папа всегда говорил: «Эта Мо в душе настоящая пиратка».

– Едем! – кричит папа с водительского сиденья. Его лицо излучает оптимизм, и я почти готова поверить в то, что его задумка сработает и мы здорово проведем время.

Мо хлопает в ладоши и бросается к фургону. Вэнс стаскивает Хлою с крыльца и тянет к нам. Мама со вздохом идет следом за тетей Карен, высоко подняв подбородок, словно приговоренная к смерти, храбро шагающая к электрическому стулу. Дядя Боб в шутку боксирует с Озом, с каждым новым ударом придвигая его все ближе к дверце Миллер-мобиля, и одновременно ищет глазами маму, чтобы убедиться, что она это видит.

– Финн, залезай, – говорит папа.

Я подхожу, и он дает мне пять через открытое водительское окно.

– Пристегнись, – говорит мама, когда я залезаю в фургон, но эти слова адресованы не мне, а Мо.

Мо со стоном пристегивается. Я весело плюхаюсь на сиденье рядом с ней, радуясь, что мне ремень не нужен.

Дядя Боб едет впереди. Они с папой тут же принимаются обсуждать грядущий Супер-боул². При других обстоятельствах я бы их послушала и даже присоединилась к беседе: я люблю американский футбол и знаю об игроках больше, чем оба они, вместе взятые. Но сейчас я не могу бросить Мо на съедение Натали. Так что я достаю колоду карт и раздаю их нам троим, Хлое и Вэнсу. Мы затеваем турнир в «Верю – не верю» в надежде на то, что игра займет нас на все три часа пути до Биг-Бэр. Победитель получит право первым выбрать себе место для сна в коттедже. За такой приз стоит бороться, потому что спать рядом с Озом никто из нас не хочет.

² В американском футболе финальная игра за звание чемпиона Национальной футбольной лиги США.

Оз, усыпленный безопасной дозой бенадрила³, который папа подсыпал ему в сок, оглушительно храпит у окна. У него в ногах свернулся Бинго. В самом конце фургона, на диване из «бентли», сидят мама с тетей Карен. Мама работает, поставив ноутбук себе на колени: через несколько недель у нее большой суд, из-за которого она сильно нервничает. Тетя Карен читает журнал.

Мы в пути.

³ *Бенадрил* (в России – димедрол) – антигистаминный препарат, оказывающий седативное и снотворное действие.

4

Когда мы начинаем подниматься в горы, облака смыкаются, цвет и свет, ощущение времени и пространства пропадают и все вокруг становится одинаковым матово-серым. Еще день, но в горах уже сумерки. Нам пришлось прервать карточный турнир, потому что Натали жульничала и Хлою это взбесило, хотя все остальные сказали, что ничего страшного в этом нет. Приз не достался никому, так что, когда мы доберемся до коттеджа, в борьбе за спальное место все будут равны.

Оз все еще храпит, мама все еще работает, тетя Карен красит Натали ногти на ногах, а та дуется на нас за то, что мы все с ней дурно обращаемся. Мы с Мо так и сидим за столом, склонившись над моим телефоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.